

Иван Полуянов

ЛЕСНЫЕ РАССКАЗЫ

СОСЕД

ЕДВА УСПЕЛ Я ВЫБЕЖАТЬ ИЗ БОЛОТА и укрыться под лохматой, издали примеченной елкой, как гроза накатилась. Буря туча заслонила свет, сразу смерклось, будто ночь настала. Мотались ели, березы, протягивая сучья, как руки, вслед вихрю, молили о пощаде. Ближе, ближе раздавались промовые раскаты, потом над лесом так треснуло, словно раскололось небо.

Не знаю ничего более прозного, более действующего на чувства, чем буря в лесу, когда шум косого дождя тонет в нестройном ропоте потревоженных вихрем деревьев; когда удары грома следуют непрерывно, сливаясь в гулкий, потрясающий саму землю грохот; когда молнии, сверкая по сторонам, превращают дождь в слепящие струи белого пламени, вырывают из потемок то пень среди поляны, то одинокий куст папоротника, — и все окружающее в этом диком хаосе звуков, в стремительном чередовании черной темени и всплесков света обретает враждебно-уродливый облик!

Что там трусливые осины, — даже столетние сосны в бурю утратили свою невозмутимую степенность и суматошно, растерянно качались под порывами шквального ветра.

Но кому всех трудней приходилось, так это березке подле осалистой крижистой сосны. Тоненькая, хрупкая березка вся дрожала на ветру, и будто не дождь — слезы страха проблескивали на ее зеленых ресницах. Может быть, ей сдавалось, что все молнии целят в нее, и, когда вспыхивало, бедняжка словно бы смагивала, трепеща до последнего листика.

И вот тут-то я увидел лося. Всего в нескольких метрах от меня огромный силуэт зверя темнел под елкой. Я успел в ответе молнии охватить взглядом, что бороздка лося слиплась, что струи дождя, стекавшие с крупа, проложили на боках лося темные бороздки, а рога мокро блестя. Поджав заднюю левую ногу, лось стоял в спокойной позе. Вздрагивая ушами, сбивал с них дождевые капли.

Когда он здесь появился? Несомненно, после меня, иначе столь близко человека не подпустил бы. Из болота его, очевидно, как и меня, выгнала гроза.

Я сдерживал дыхание. Чуток лось — шаги человека, говорят, слышит за километры. Вон у него уши-то какими раструбами! Я боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть осторожного великана. Посудите, часто ли доводится переживать грозу в лесу по соседству с лосем, в одной, так сказать, компании!

Конечно, если бы мы с лосем на пару коротали время, то и горюшка мало. Но эти комары... Они тоже попрятались от дождя под деревья.

И в такой-то момент, когда я вздохнуть полной грудью не решался, сидел не шевелясь, вдруг — «З-з-з, з-з-з!» Нудно, печально распелся комарище у моего уха. И сел на щеку. Честное слово, я видел, как он перебирал толстыми голенастыми ножками, выпрастывая хоботок. Но не спешил, определенно растягивая удовольствие, прежде чем впиться мне в щеку. Что за мучение! Шлепнуть бы его... — но нельзя... Лося спугну! К счастью, я был не брит и комарище, видно, наколол себе толые пятки о мою щетину. Уныло, жалостливо пища, пересел на нос. Чихну... Ей-ей, чихну! Нет сил дальше терпеть... Чихну! Я корчился, слезы на глаза навернулись. Но комарище, верно, был сыт. Он сгорбился, задремал на моем носу.

Мягким, прямо-таки кошачьим движением я смахнул его. У-уф, какое облегчение! Точно гора с плеч!

И тут я чуть не рассмеялся. Чего я боюсь? Гром, молнии, лес стонет, накатит шквал — точно поезд пронесется над вершинами деревьев в шуме и грохоте! Да будь хоть того шире у лося уши, где ему услышать, что я чихну или пошевелил нос? Он попросту оглох от грозы и бури. Вон стоит, ушами помахивает...

Сейчас сделаю опыт. Так ли уж чуток лось? Я нащупал подле себя сук. Толщиной с карандаш. Пристроил его на колено и — р-раз! Сучок сухо щелкнул, разлетелся пополам.

А лося из-под ели как ветром сдуло. Прыжок, еще прыжок, и великан точно растворился в белесоватой мути дождя.

Так и лишился я приятного соседства. Что говорить, не деликатный поступок — выгнать соседа под дождь, в грозу. И какого соседа!

БАЛЕРИНА

Я ВЫШЕЛ НА ПОЖНЮ — ЛИСА! Среди бела дня, близко так... Я люблю такие укромные лесные луга-поженки, на которые, хмуро насупясь, держа пиками остроконечные вершины елей, высылая вперед частые заросли можжевельника, лиственного молодняка, наступает тайга. То был дремучий сумрак, мхи под ногой и колодник, топкие болотца в кляксах застойной пахучей воды, хвойное безмолвие, а тут — рбсчисть, стожки сена, шалаш косарей, крытый корьем. И волнующе наносит остывшей золой кострища, духовитым настоем скошенного сена, оставляя тебе чувство одиночества, затерянности.

Приобретена мной привычка — выходить на светлые прогалины лесных покосов тихо, чтоб сучок ненароком не треснул, не качнулась еловая лапа, подавая сигнал тревоги: на этих поженках, случается, увидишь и пасущихся лосят, и выводок тетеревов.

И вот, пожалуйста полюбоваться — лиса! Значит, шел я тихо, не спутнул ее.

Она челноком снует. То, знаете, замрет, выгнув спину, уставив уши торчком, и кончик хвоста напряженно подрагивает. То вдруг подпрыгнет — и цоп, только зубы клацнут! Опять кого-то поймала.

Кого?

Я стою. Увлечлась лиса, нет чтобы осмотреться! Страстные охотницы — эти лисы, про все на охоте забывают. Ближе и ближе она. Будто танцует, вся как на пружинах. Балерина, прямо балерина! Но мех у ней летний, жидкий. Нет виду даже в хвосте. Кажется лиса поджарой, долговязой. Лапки темные до колена, почти черные. Бока отливают алым, с рыжеватой подпалинкой. Грудь белая, словно она повязала себе салфетку.

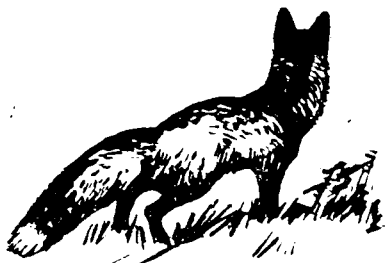
Ясно: кормится лисанька. Неспроста у ней такие балетные па, прыжки да пируэты. И зубы — клац да клац!

Пригляделся я. Ба, а ведь лиса кузнечиков ловит. Луг выжощен, сено в стогах, скрипачам негде укрыться. Лишь заведет какой на своей скрипочке пиликать, лиса — тут как тут. Цоп — и нет музыканта!

Я не вытерпел:

— Хватит тебе... Так ты всю пожню без музыки оставишь!

Услышала лиса мой голос. Как припадет

со страху и от неожиданности на все четыре лапки, как припустит к лесу... Была рыжая балерина — в лес унеслась рыжая стрела. Вспыхнуло в кустах, мелькнуло и погасло, как спичка на ветру.

Отдадим ей должное: бегать лиса тоже мастерица!

САЛАЗКИ

ЧАЩОБА, ЗАВАЛЫ БУРЕЛОМА. Непролазные заросли высоких трав, смородины, малины по крутым, неприступным берегам. И камни, камни... Огромные гранитные валуны, россыпи гальки. Больше камней в реке, чем воды! Это и есть глухая, суземная Пажа. Прихотливо вьется она по хвойному ущелью, среди нехоженых дебрей. Что ни поворот, то и омут — опрокинутые вниз вершинами ели, кряжистый сосняк, мертвые, опутанные паутиной остовы патриархов тайги, погибших на корню. И опять камни, камни, опять дремучий, разбитый на ручейки поток...

Думается, откуда тут быть рыбе? Между тем Пажа-река, где плещется форель, где перекаты кишмя кишат пестренькими гольянами, где по омутам бродят щуки и дремлют усатые налимы.

Дивная, неповторимая в своей прелести река! Вся она течет, словно из сказки! Гляди — не у этого ли омута горе горевала Але-нушка?.. Навевает свои были-небыли вековой сузем, скороговоркой сказывает их Пажа-река, вызванивая на перекатах, на гремящих водопадах. И ничуть ее не смущает, что тишину глухоты то и дело тревожат гудки от лес-промхозовской узкоколейки, что на зеркало омутов ложится отражение не одних седых елей, но и сдвоенный след реактивного лайнера, идущего своим курсом высоко над облаками...

Здесь Пажа вырвалась из плена суземья к простору покосов, хотя и лепятся по отлогому берегу сосны, светлеют стволами бере-зы. Правый берег тут крут, зарос лопушистыми травами, пахучей валерианой.

Утро. Свежо, росисто и туманно. Перекат гремит да падают капли росы, чикают по листьям. И вдруг — резкий свист! Птица что ли какая проснулась спозаранок? Нет, не похоже. Заколебались верхушки трав, на росчисть вышла семейка выдр. Кроме старой буровато-серой выдры трое выдрят, усатых и коротколапых. Юлят малыши в траве, гибкие, как змеи. Подняли возню: кусаются, задирают друг дружку. Вот сплелись в один клубок — куча мала! Старая выдра нет-нет да и присвистнет на этот детский сад, ворча под нос: ведите, мол, себя прилично, утомону нет на вас, баловники!

Один выдренок вывернулся из общей свалки, кусаясь направо и налево. Потом поджал лапки, вытянул длинный хвост и на животе — нырь по откосу в воду! Бух! Омут вздрогнул, занялся кругами, колыхнулись листья кувшинок.

И второй выдренок на животе стремительно съехал в реку.

Пошла потеха! Не по одному разу скатились выдрята с берега. Трава росистая, шерстка у выдрят гладкая — отличное скольжение!

Катались выдрята в свое удовольствие, пока, наконец, старая, опытная и осторожная мать не прекратила забаву резким свистом. Впрочем, и она в омут на животе съехала.

Дальше выдры продолжали путь по воде вплавь. Пловцы они на удивление: быстрее любой рыбы, вода выдрам — родная стихия.

Остались на берегу помятые, сочно зеленые от сбитой росы травы да узкий в них желобок — лоток, по которому смышленные выдрята на животах, как на салазках, катались в омут...

ФИЛИН НА ТОНЕ

СКРОЕТСЯ СОЛНЦЕ, перейдут сумерки в темь, закачаются на дне омутов светлячки звезд, — этим поздним часом появляется над Пажей филин. Большая, тяжелая птица, распахнув крылья, бесшумно плывет, следуя извилам реки. То спустится низко и тушит тенью отражения звезд, то взмост вровень с вершинами деревьев. В рыхлое ржавчато-белое перо спрятаны когти страшных лап, плотно сомкнут острый крючковатый клюв. На лету рогатые уши ловят на прицел лесные шумы: вот лось на лежке вздохнул со сна, вот мягко спружинил мох под вкрадчивым шагом рыси, вот сухо прошуршал с ольхи падающий лист.

Звезды заблистали ярче. Окутанная облаком, показалась луна. Пали в лесу тени, воздух, осиянный лунным светом, стал дымчато-прозрачным, и пригоршней алмазов проблеснули капли росы в паучьей сети.

Филин сел на валун у водопада. Ворочал шеей, пучил налитые зеленым огнем глазищи. Брызги воды кропили его перья, вынуждали птицу переступать лапами и встряхиваться. Однако, выбрав место поудобнее, филин застыл истуканом, будто окаменел. Бурлил, побрякивал мелким камнем водопад, расчесывал пряди черного жесткого мха. Изредка в плеск струй примешивался новый звук — это, обдирая чешую о камни, пробиралась через завалы гранитных облаков, через пенистые водопады форель. Порой рыбы, словно в нетерпении, выскакивали внезапно из воды. Свиваясь кольцом, плясали на каменистых мелях прежде чем попасть на глубину — в расселины между камнями.

Филин ждал... Он видел стройные тела форелей, их мокрые спины, бока, — и ждал.

Плеснула форелька хвостом рядом с валуном. Филин мгновенно распахнул крылья. Бросок — и в когтях затрепетало живое золото.

На трапезу филин отлетел к берегу, заросшему ольхой и папоротниками. Форелька попала мелкая. Сжав с силой лапы, филин насквозь проколол ее когтями, так что в раны пролилась крупными зернами икра. Давясь, мотая кощачьей головой, и смаргивая веками, филин проглотил форельку целиком.

Затем он снова пересел на гранитную глыбу посреди водопада.

Форели не плескались...

Тогда филин, оскальзываясь когтями, спустился с валуна в воду, умокнул в нее распушенные крылья, встал клювом против течения. Не надеясь на такую добычу, как сильные стремительные форели, филин принялся ловить голянов. Щелкал клювом, выхватывая рыбешек из воды. Поймав их три-четыре, он не столько насытился, сколько перемок, устал бороться с течением. Скромная полчились у филина тона.

Мокрый, взъерошенный, выбрался филин на валун. Успел встряхнуться, еще воды из хвоста не выжал клювом, как слышал писк мышей. Мыши — это не увертливые форельки, это верная пожива!

Подобно видению, скрылась в густых, хвойных потемках, испятнанных тенями и лунными бликами, диковинная рогатая птица. И остались опять наедине друг с другом лес да Пажя-река. Гремя водопадами с черных гряд камней, дробя в себе острые лучики звезд, бурлил пережат, вызванивал на разные голоса. Река точно разматывала нить еще одной сказки, каждой струйкой своей вещала лесу о рогатом чудище на крыльях, о том, как оно накрывало звезды на дне омута, как жадно давясь, глотало их вместе с прекрасными золотыми рыбами, а потом обернулось тенью и уплыло по прозрачному дымчато-голубому воздуху...

САПОЖНОЕ ШИЛЬЦЕ

ПАДАЛИ, КРУЖИЛИСЬ ЦВЕТНОЙ МЕТЕЛЬЮ ЛИСТЬЯ, срываясь с сучьев, едва ветер задувал сильнее. Желтые, багряные, алые, тускло-зеленые листья... А вот не с сучка, вот прямо со ствола березы оборвался пестрый серый листок и упал наискось к подножью другой березы. Нет, не наземь упал он — приклеился к стволу дерева.

И побежал прямо по стволу вверх, с писком:

— Ци... ци... ци!

Конечно, какой же это листок, если пищит и, словно дятел, по деревьям бегают!

Это — пищуха. Птичка кругленькая. Словно яйцо. Что и выдается, так зубчатый хвост да клюв — кривой, сапожным шильцем.

Понятно, пищуха сапоги не такает, но кривым острым клювиком довольно-таки бойко обшаривает деревья, выискивает в трещинах коры захоронки вредной лесной нечисти.

Мастерица отводить глаза — пищуха! Маленькая, непоседливая, она так и шныряет по стволу, так и пищет, и пищет лапками, а оперение ее настолько сливается с корой, что потеряешь пичугу из глаз в два счета. Потому видал ее в лесу не всяк, кто в нем и часто бывает. Кроха-древолоз пищуха даже на отдых не улетает с дерева: прицепившись коготками к коре, сидит солдатиком. Головка вверх, вся опора на хвостик. Всегда готова пищуха к действию — искать, накалывать на свой клюв жуков, бабочек, иных прочих вредителей.

Она и есть солдатик — незаменимый притом — в крылатой армии защитников леса!

